

На фабрику детской книги пришли ребята московских школ. Теперь они знают все тайны создания любимых книжек.

Фото Оли ХАРЛАМПИЕВОЙ, ученицы 454-й школы Москвы.

Книжкина неделя идёт по всей стране. Умные и добрые друзья и советчики ребят — писатели встречаются со своими читателями, звучат на разных языках стихи поэтов.

Сегодня со страниц нашей газеты с вами будут разговаривать писатели и поэты пятнадцати республик. Каждый как бы подарит вам кусочек своего края. Писатели поделится своими заветными мыслями и воспоминаниями, вы прочтёте их статьи, стихи и рассказы.

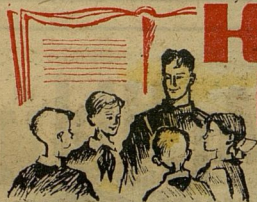
Пролетарии всех стран, соединяйтесь!
К борьбе за дело Коммунистической партии Советского Союза будьте готовы!

Орган Центрального Комитета ВЛКСМ и Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. ЛЕНИНА

Пионерская ПРАВДА

Год издания 45-й № 25 [5296] ★ Пятница, 28 марта 1969 г. ★ Цена 1 коп.

Андрей НЕКРАСОВ

Книжкин ПРАЗДНИК

СТОЯЛО трудное время — кровь лилась на фронтах, в стране не хватало хлеба, металла, топлива, одежды. Советские люди жили впроголодь, трудились сверх сил, но знали: придёт победа, засияет свет в окнах, поднимется из развалин разрушенные фашистами города и мирный труд вернётся на нашу землю.

Было трудно. Но советский народ и тогда не забывал о тех, кому владеть освобождённой родной землёй, кому украшать её новыми городами, строить плотины на великих реках, разгадывать сокровенные тайны природы и покорять космос. Ни на минуту не забывала Родина о своих маленьких гражданах. Мало было сохранить им жизнь.

В самые трудные военные дни, когда враг стоял у ворот Москвы, не останавливались печатные станки и миллионы умных, добрых, полезных книг расходились по всей стране и попадали в руки ребят.

Это были не такие книги, какие сейчас издадут для вас. Те книги печатали на серой бумаге, вместо переплётов у них были мягкие обложки... Но всё-таки это были книги, и ребята, раскрывая их, читая сказ-

ки и повести, стихи и рассказы, сами того не замечая, учились отгадываться на прошлое, мечтать о будущем, ценить добро, красоту и умное писательское слово.

...Шёл 1944 год — третий год войны. Фашистов уже далеко отогнали от нашей столицы, но и до Берлина лежал ещё неблизкий путь. В Москве было холодно и голодно. Немного радостей выпадало в те дни: на долю московских ребят. И вдруг пронёсся по школам слух о том, что в Колонный зал Дома союзов будет встреча юных читателей с теми, кто создаёт книги.

...Не по-военному светло и нарядно было в просторном зале. На сцене сидели авторы детских книг. Не все... Многие писатели были в те дни на фронте.

Поэты читали стихи. Писатели говорили с читателями. Ребята ловили каждое их слово. Потом зал опустел, но зато заполнились широкие фойе Дома союзов. Тут не только послушать, тут можно было потрогать живого писателя, и многие ребята робко дотрагивались до богатырского плеча Корнея Чуковского, до хрустящей кобуры Сергея Михалко-

ва, до тёплой ладони Самуила Маршак. Встретились с ребятами и Александр Фадеев, Лев Кассиль, Агния Барто, Александр Безыменский, Михаил Пришвин... А потом вышел Дон Кихот, живой Дон Кихот, и стал дарить всем детям книги.

Сейчас тем ребятам перевалило за тридцать. Но они и по сей день бережно хранят не очень нарядные, но навсегда дорогие подарки. А когда наступают весна, они за руку провожают своих детей в Колонный зал, дома пионеров, клубы, библиотеки, где, как и четверть века назад, писатели, художники, издатели и читатели празднуют «Книжкины именины». По всей стране идёт этот праздник. Писатели в эти дни нередко приезжают в самые далёкие уголки нашей страны. Они выступают по радио, по телевидению...

А когда кончается Неделя, ребята долго ещё вспоминают лица и слова тех, кто создаёт для них интересные книжки, а писатели — любознательные, пытливые глаза мальчишек и девочек, с которыми им довелось встретиться в дни Недели детской книги.

И, наверное, после таких встреч читателям интереснее раскрывать новую книгу, а писателям — садиться за новую рукопись.

Михаил КВЛИВДЗЕ

ВЕСНА

В небе ласточки мелькают,
Даль прозрачна и светла.
Если бросить в небо камень,
То услышишь звон стекла.

Облака белют в небе,
Точно горные хребты.
Птичий гомон, свист и щебет
Льются изымаем с высоты.

И опять, как в сорок пятом,
Дорог мне приход весны,
Будто встретился я с братом,
Возвратившимся с войны.

Перевёл с грузинского Е. ЕЛИСЕЕВ.

Кадр из фильма, снятого 25 лет назад в Доме союзов, нам помогли разыскать в Центральном архиве кинофотодокументов. С ребятами разговаривает МИХАИЛ ПРИШВИН.

КАК СУХОЙ ЛИСТ ПУТЕШЕСТВОВАЛ

С ЛЕТА у Оксанки застрял в одной книжке жёлтый кленовый лист. Высох, но такой же золотой! Хорошо им странички закладывать. Торчит лист из книжки — значит, Оксанка её вечером дочитывать будет. Из книжки в книжку лист перебирался. А потом лёл на белую тёсаную доску полочки: перечитаны все до одной! Полка новенькая и приложена к стене недавно...

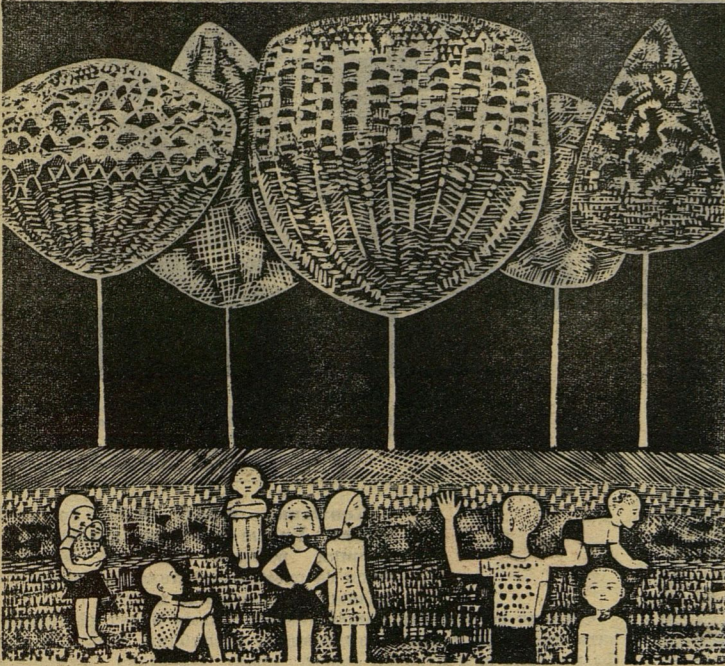
Сняла с неё книжки Оксана и в школу отнесла. Раздала ребятам, а у них взяла другие. Но похожи книжки одним — со всех обложек глядят знакомые глаза с ласковым прищуром. Угадали? Все они про Володю Ульянова, про Ильича.

И снова кленовый лист из книжки в книжку шагает. Больше чем у трёхсот ребят из Оксаниной школы дома теперь своя, особая, ленинская книжная полка.

А. БЕЗБОРДОВА.

Донецкая область,
г. Торез, школа № 8

ЖИВИТЕ ПОД РАДУГОЙ!

«ДЕТИ ПОД ДЕРЕВЬЯМИ». Линогравюра эстонского художника ХЕРОЛЬДА ЭЭЛМА.

Многие из вас, ребята, читали поэму латышского поэта ЯЗЕПА ОСМАЙНИСА «Ангелено». Он посвятил её отцу. В войну на глазах у маленького Язепса немцы схватили отца и расстреляли. Недавно мы побывали в гостях у Язепса Османиса в Риге, спросили его, о чём бы он хотел поговорить с нашими читателями. Так родилась статья «Живите под радугой!».

ОДИННАДЦАТЬ ЛЕТ ходил я, сельский парнишка, в школу: шесть километров туда, шесть — обратно. И тогда, и сейчас, уже взрослым человеком, я чувствую школу с первых шагов. В школу идут по-разному: одни замечают всё на пути, издали приветствуют встретившегося человека; другие мчатся, столбом поднимая пыль, сталкивая встречных на обочину. «А, — скажете вы, — беседа о вежливости». Нет, не о вежливости, ведь вежливость может быть ложной, обманчивой. Я не против того, чтобы вы прыгали от радости, как молодые жеребята, я хотел бы, чтобы при этом вы не потеряли главного — чувства человека. Замечать человека, ощущая его присутствие, думать о других людях надо учиться с детства.

...Я вспоминаю своего отца. Он всегда был хмур, неразговорчив, его угнетала тяжёлая работа. Вот он на болотистом участке выкорчёвывал пни, мышцы на руках резко обозначились от напряжения, со лба капает пот. Я иду к нему с узелком — обедом. Не оборачиваясь, спиной, отец почувствовал моё приближение. И хотя он ни слова не сказал мне, я понял, как он рад.

Или ещё. В 1937 году отец повёз меня на строительство первой в Латвии ГЭС. Стройка оглушила и напугала меня. Отец, такой большой, легко подбрасывавший меня к потолку, показался мне маленьким, не способным защитить от огромности мира. К нам стали подходить какие-то люди, видно, знакомые отца. Они хлопывали меня по плечу, на их лицах было написано дружелюбие, и стройка постепенно перестала быть для меня пугающе чужой.

В Отечественную войну ГЭС разрушили немцы. В 1945 году ленинградцы привезли новое оборудование для турбины. Надо было срочно разгрузить состав. Некоторые молодые рабочие жили на другом берегу Даугавы. Туда зовонили с электростанции, сообщали о составе. Стояла весна. Вместе с другими я был в тот день на берегу реки и с замирающим сердцем смотрел на фигурку, маячащую у противоположного берега: кто-то решил перейти километровую ширину Даугавы. В тот момент, когда человек был посередине реки, лёд тронулся — на-

чалось сражение за жизнь. Человек прыгал с одной льдины на другую, взмахивая по-птичьим руками, несколько раз он срывался, и с ним срывались в ледяную пропасть наши сердца. Я видел и слева, и справа от себя напряжённые лица, фигуры, наклонённые вперёд, руки, готовые подхватить, спасти. Мне казалось тогда, что своим трепетным ожиданием, как магнитом, люди перетянули парня на свою сторону.

Вы бы видели, как после этого мы разгружали состав. Снегу было жарко! Значит, рядом были люди, обладающие чувством человека. Не пробаюте мимо человека, не думайте, что ты самый главный на земле, уметь спросить себя: какой я сам, на что я способен? Часто от всего этого зависит жизнь многих людей.

У замечательного латышского писателя Райниса есть стихотворение «Сам».

Сам думай, помогай,
борись, гори,
и сам ворота счастья отвори!

Я хотел бы, чтобы вы все прочитали эти стихи и вообще читали бы книги, над которыми надо думать. Не торопитесь, останавливайтесь для того, чтобы спросить себя, как прошёл день, живёшь ли ты без воскресенья, то есть без раздумья.

Жизнь до краёв наполнена впечатлениями. В текущей будней больше всего цените общение с живыми людьми — это бесценный дар.

У меня есть цикл стихов «Человек под радугой». Человек под радугой — счастливый человек, он различает все краски, все цвета, он умеет видеть и горе, и радость.

Всем вам, шагающим сегодня по весенним дорогам в школу и приветствующим идущих навстречу людей, я говорю: живите под радугой!

Я КАМЕНЩИК

Я каменщик. Я оживляю камень, А дом растёт всё выше под руками. Моя работа для меня, как счастье, Её прославить хочется стихами.

Я труженик неистовый. Я зодчий. Я самый нужный на земле рабочий. Дома я строю новые, большие, И знаю я: домов фундамент прочен.

А рядом сад. В саду играют дети, Перебирает листья тёплый ветер. И в каждом уголке моих строений Сердца людские жарче всех на свете.

Я каменщик. Хочу, чтоб вспоминали Меня добром в построенном квартале, Пусть для других моё безвестное имя И многие совсем меня не знали, Мой труд похож на ремесло поэта, Моя работа радостью согрета.

Авторизованный перевод с азербайджанского В. КОНСТАНТИНОВОЙ.

Во многих книжках для киргизских ребят есть рисунки художника БЕЛЕНА ЖУМБАЕВА. Вы видите его гравюру на тему народного киргизского эпоса «МАНАС».

«ПЕСНЯ». Эту линогравюру прислала на Вторую международный конкурс детских рисунков «Я вижу мир» ТАНЯ ХРИПКО из города Орджоникидзе. Рядом линогравюра АЛАНА ТИЕН-ЛОВА из этого же города. Она называется «МОИ ПАПА».

Юрий ЗБАНАЦКИЙ, писатель, Герой Советского Союза

РАССТРЕЛЯННАЯ СУМКА

В ВОЙНУ, в дни трудного партизанского кочевья, пуще всего берег я свою полевую сумку. В сумку я складывал трофейные немецкие блокноты, в которых записывал свои рассказы. Казалось бы, на войне не до того. Но каждый раз, когда наступала передышка между боевыми операциями, ко мне подходил Миша Василюк, хлопчик-партизан, и строго спрашивал:

— Ну, готова твоя новая книжка?

Маленьких партизан в нашем отряде было немало. И когда с самолётов для нас сбрасывали точки с оружием и продовольствием, мальчишки первым делом спрашивали, есть ли книжки. Казалось, они были согласны вместо лишней буханки хлеба обнаружить в тюках связку книг.

И я старался писать в блокнотах буквами покрупнее, чтобы рассказы можно было легко читать при контидке или при свете костра.

В сумке уже накопилось около двадцати рассказов. Но случилось так, что в одном из переходов отряд наш дал встречный бой фашистским карателям. Впо-

гал к соседу читать немецковский «Кобзарь», единственный на всё наше село.

Теперь у меня в шкафу на двух длинных полках стоят одни «Кобзари» — маленькие, карманные, и громадные.

Я рад за ребят, которые теперь могут зайти в книжный магазин и набрать книг столько, сколько они могут унести. А скоро на Украине будет у книжек и свой дворец — Дом детской книги. И большая типография, которая будет печатать вдвое больше книжек для ребят. Пусть и нынешние мальчишки растут такими же жадными до книг, как Михайлик Василюк.

Многие из того, что было в тех фронтowych блокнотах, я так и не смог написать сначала. Я написал для ребят другие, новые книги. Но мне до сих пор кажется, что все они — из той самой расстрелянной полевой сумки.

Сергей АЛЕКСЕЕВ

(Рассказ)

ПОСЫЛЬНЫЙ

В 1911 ГОДУ молодой инженер Графтино разработал проект строительства Волховской гидроэлектростанции. Несколько лет проект ходил по разным царским чинам. Все говорили: «Да, конечно. Проект хороший. Не мешало бы в России построить такую станцию». Но дальше этого дело не двинулось.

Зря хлопотал молодой инженер. Зря обивал пороги.

В 1914 году вспыхнула мировая война. Теперь о строительстве и вовсе нечего было думать. Потому произошла революция... Ну, теперь и вовсе не до этого.

И вдруг в петроградской квартире инженера раздался звонок. Вышел хозяин к двери. Открыл. На пороге стоит человек в кожаной куртке. Улыбается человек:

— Здравствуйте, товарищ Графтино. Я к вам от товарища Ленина.

Отступил хозяин на шаг от двери. Словно на чудо, на пришедшего смотрит. «От Ленина?» Не верит в такое Графтино. «Это, видимо, кто-то из друзей со мною шутит».

— Я от товарища Ленина, — вновь повторил посыльный.

Действительно, Ленин прислал посыльного.

А вскоре и сам Графтино был вызван в Москву и принят Владимиром Ильичём.

Разговор был коротким, но очень ясным.

— Всё решено, — сказал Владимир Ильич. — Будем строить на Волхове станцию. Поздравляю. Желаю вам от души успеха.

Возвращаясь молодой инженер домой, словно летел на крыльях. Гудел паровоз на разездах. Били колёса на стыках. «Будем строить, строить, строить...» — отдавалось в ушах у Графтино. «Строить, строить, строить...» — как молот, стучало сердце. «Эх, — вздыхал инженер, — опоздала чуть-чуть революция. Если бы раньше на несколько лет, уже ток бы давала станция».

После первой встречи инженер Графтино ещё несколько раз виделся с Владимиром Ильичём. Ленин постоянно следил за делами строительства. Вызывал молодого инженера к себе с докладами.

И вот однажды Графтино рассказал Владимиру Ильичу о том самом первом дне, когда на квартиру явился к нему посыльный:

— Я ведь, Владимир Ильич, решил, что кто-то со мною шутит. Чуть не прогнал посыльного.

— Не поверили, значит?

— Не поверил, — признался Графтино. — Не ожидал. Это воинству сказочный случай.

Владимир Ильич улыбнулся:

— Сказочный? Ну что же, пусть будет так.

— Я вам, Владимир Ильич, бесконечно за то обязан.

— Мне? Нет уж, увольте. Не я ведь послал посыльного. Революция это сделала.

Григоре ВИЕРУ

ФИАЛКИ

НАСТУПАЕТ МАРТ, И ДЕРЕВЬЯ НА ЦИПОЧКАХ ТЯНУТСЯ ВВЫСЬ В ОЖИДАНИИ ПЧЕЛ. ПОКРЫТАЯ СНЕГОМ ЗЕМЛЯ ТОНЕЮ ПО НЕБУ СОСКУЧИЛАСЬ ОЧЕНЬ! И ВОТ, ЧТОБЫ ВЗГЛЯДОМ ОКИНУТЬ БЕСКРАЙНЕ НЕБЕСА, В ПЕРВЫЙ РАЗ ЗЕМЛЯ РАСКРЫВАЕТ ГЛАЗА — ТЫСЯЧИ СИНИХ ГЛАЗ.

Перевёл с молдавского Янов АКИМ.

ГОРИВОДА

СЧИТАЛИ, что в Белоруссии нет полезных ископаемых. А народ верил в щедрость земли, слала легенды о несметных казлах, укрытых в недрах Полесья.

Недавно там нашли нефть! Первый её фонтан ударил возле деревни со странным, казалось бы, названием — Горивода. Видать, не случайно назвали её так. Сохранилась даже легенда о Гориводе.

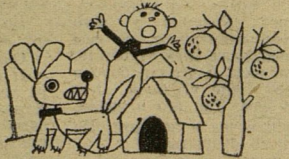
Услыхал её белорусский поэт Сергей Граховский и пересказал ребятам. Начало такое: очутилась крепостная девушка Алесьа в лесной чащобе, увидела чёрное озеро с загустевшей водой, словно в капелках сала. Набрала Алесьа в берестянку чудесной воды, принесла берестянку домой. От лучины горящей вода загорелась, осветила хату.

Дознался помещик, что батраки его раздобыли воду, горячую, что светятся теперь в крестьянских хатах огни.

...В диком бешенстве пан приказал, чтоб Алесьа Гайдуйки на верёвке водили по лесу, Чьоб она показала дорогу туда, Где горячая чёрная эта вода. Притопали камыш, что вздымался стеною. А по озеру плещет волна за волною. Забурилла, завывла густая вода. Застонала Алесьа: «Ой, будет беда!» Захрапел, на колени попадали кони, Закипела вода, исчезая в бездонье. Сразу рухнуло дно, и волна на волну Набегая, как в пропасть, ушла в глубину. А затем островок поднялась череда Там, где только что чёрная билась вода. — Ведьма! Ведьма! — кричали гайдуйки. — Здесь и сгинеш! Привязали Алесьа к замшелой осие.

С той поры пролетели столетия и годы. Не погасла, а крепла надежда народа, Чьо горячую воду в родном Полесье Вновь отыщут сыны или внучки Алесьа.

Отрывок из поэмы перевёл с белорусского А. ШАРАПОВ.

Перевела с армянского Ирина ТОКМАНОВА.

СЕДА РИСУЕТ

Я НАРИСОВАЛА ЯБЛОНЕВЫЙ САД. ТАМ ТАКИЕ СПЕЛЫЕ ЯБЛОКИ ВИСЯТ. ТАМ ТРАВА ГУСТАЯ, МАКИ У РУЧЬЯ. У ЗАБОРА БУДУ, ЗНАЕШЬ, ЭТО ЧЬЯ? В НЕЙ ЖИВЕТ ОГРОМНЫЙ ПЕС СТОРОЖЕВОЙ. ОН ХОТЬ НАРИСОВАННЫЙ, НО СОВСЕМ ЖИВОЙ. ЕСЛИ ЗЛОЙ МАЛЬЧИШКА В МОЙ ПОЛЕЗЕТ САД, СРАЗУ ПСА УВИДИТ, СТРУСИТ — И НАЗАД!

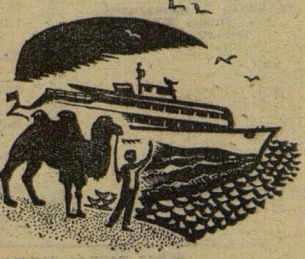
КАНАЛ ИДЁТ!

Словно бурная река, Наш канал в пустыне. Разукрасил берега Маками густыми.

Целый день гудки ревут, И по жёлтым водам Гуси-лебеди плывут Рядом с теплоходом.

Говорит канал: — Я рад Напоить равнину, Скоро, люди говорят, Ещё дальше двину.

Перевёл с туркменского Янов АКИМ.

Отрывок из поэмы перевёл с белорусского А. ШАРАПОВ.

Линогравюра латышского художника ДАЙНИСА РОЖКАЛНА из цикла «Рассказ латышского стрелка».

АГНИЯ БАРТО И ЛЕВ КАССИЛЬ среди ребят на открытии Недели детской книги 23 марта 1969 года.

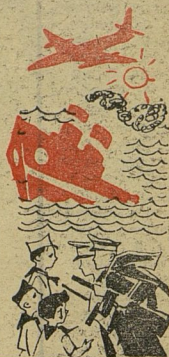
Альбина МУКАУСКАС

УТРО НА ВЗМОРЬЕ

ПУСТЫННЫЙ БЕРЕГ. НАД ПЕСКАМИ — СОЛНЦЕ. А В ЛОДКЕ РЫБЫ, СЛОВНО ВОЛНЫ, ВСПЛЕСКАМИ. ЗДЕСЬ ПОУТРУ, КАК ЗВОНКО КОЛОКОЛЬЦЕВ. НАПОЛНЕН ВОЗДУХ ГОЛОСАМИ ДЕТСКИМИ. ПОДУЛ СВЕЖАК, И ВОЛНЫ ЗАИГРАЛИ. УДАРЫ СПЕЛОВАЛИ ЗА УДАРАМИ. А КОРАБЛИ СКВОЗЬ ДЫМЧАТЫЕ ДАЛИ СПЕШАТ К ПРИЧАЛАМ С ГРУЗАМИ, С ТОВАРАМИ. НАД СИНИМ МОРЕМ — СИНЕВА ВТОРАЯ. ТАМ, ВЫСОКО, МОТОРА ГУЛ РАЗМЕРЕННЫЙ. ЛЕТИТ ПИЛОТ, ПРИКОРЬ ОЗИРАЯ. — ЕМУ ОХРАНА РОДИНЫ ДОВЕРЕНА. ОН КАЖДЫЙ ДЕНЬ ДЕЖУРИТ В ПОДНЕБЕСЬЕ, ЕГО СМЕНЯЮТ СОКОЛЫ — ТОВАРИЩИ. ВОТ ПОЧЕМУ ТАК БЕЗЗАБОТНО ВЕСЕЛ БЕСПЕЧНОЙ ДЕТВОРЫ ДЕНЕК СИЯЮЩИИ. ДВА ПОГРАНИЧНИКА, НАВСТРЕЧУ — ВЕТЕР. ИДУТ ПО ВЗМОРЬЮ, ШУМНОЮ ВАТАГОЮ ОНИ ОКРУЖЕНЫ, И НАШИ ДЕТИ ЛЮБЮТСЯ ИХ СИЛОЙ И ОТВАГОЮ.

У МОРЯ ДЕТИ ЧЕРПАЮТ ЗДОРОВЬЕ. НАСТАНЕТ ДЕНЬ, ДЛЯ НИХ ЕЩЕ НЕВЕДОМЫЙ. — ОТЧИНЮ, ИХ ВЗРАСТАЮЩУЮ С ЛЮБОВЬЮ, ОНИ УКРАСЯТ НОВЫМИ ПОБЕДАМИ.

Перевёл с литовского Лев ОЗЕРОВ.

Адхам РАХМАТ

СПРОСИЛ я как-то одного мальчишку: — Скажи, Хамид, каким человеком хочешь быть?

— Хорошим, конечно! — И сам смеётся: что ещё за вопрос! Это сказать легко — хорошим!

Вот я расскажу о себе. Помню, в двадцатом году мальчонкой бежал я на вокзал, чтобы выпросить у солдата кусок хлеба. В Коканде была разруха и голод. Много нас, мальчишек, тогда собиралось на вокзале. И вот однажды пришли сюда юноши. Они собрали нас и повезли в детдом, отмыли, одели, накормили.

Среди тех, кто привёз нас в детдом, особенно выделялся один — красивый, весёлый парень. Он потом часто приходит к нам. Соберёт нас вокруг себя и рассказывает, какой будет скоро жизнь, о революции, о Ленине. А потом спрашивает, как мы учимся, помогаем ли друг другу.

Это был Абдулла Набиев. Тебе, конечно, знакомо имя этого отважного комсомольца, погибшего в борьбе с басмачами. А для нас Абдулла-ака был в то время вместо любимого старшего брата. Все мальчишки из детдома с восторгом смотрели на Абдулла и старались во

всём ему подражать. А ведь был он тогда ещё очень молод. Подрастком пришёл Абдулла в ревком и стал лучшим разведчиком отряда по борьбе с басмачами.

Сейчас, оглядываясь на свою юность и вспоминая Абдулла, я думаю о том, что мне очень повезло, что это счастье повстречать такого удивительного человека.

Мне хотелось, чтобы все люди узнали о нём. Я поехал по местам, где жил и боролся Абдулла, расспрашивал о нём у родных и близких. Так появились мои первые рассказы о

смелом комсомольце.

Когда началась война, я ушёл на фронт, был пулемётчиком. И снова я рассказывал бойцам о мужестве Абдуллы. А позднее написал о нём киносценарий. Ты помнишь фильм «Четверо из Ферганы»?

Много уже лет я пишу книги — и для детей, и для взрослых. Есть в этих книгах рассказы о смелых юношах и девушках нашей республики. Но самый любимый мой герой — это Абдулла Набиев.

А теперь я спрошу тебя: «Кем ты гордишься, кому подражаешь? Есть ли у тебя взрослый друг?» Мне хочется, чтобы у каждого мальчишки был такой друг. Плохо, если его нет.

Оглянись вокруг, найди своего героя! Может быть, этим героем станет твой отец, брат, вожатый или сосед. Главное — чтобы он был настоящим человеком.

Узбекская ССР, г. Ташкент.

М. МИРШАКАР

МЫ ПРИЕХАЛИ С ПАМИРА

Мы едем с Памира Навстречу Москве. Мы едем впервые, Совсем налегке.

У нас ни осли, ни верблюды, Везёт нас железное чудо. У этого чуда немало колёс, А имя ему караван-паровоз. Железные нитки положены в ряд, Большие кибитки на нитках стоят. Кибитка-погонщик присвистнет трубой И все остальные ведёт за собой! Бормочут колёса ритмично и звучно, Как будто хлопочут: «Не скучно? Не скучно!»

Качается пол, как настил на мосту... Из окон вагона мы ищем Москву: Она не пески, не пустыни без края, Возникнет она, от огней золотая. И мы повторяем призывно слова: «Род-на-я, род-на-я, род-на-я Москва!» ...Друзья! Мы восторгом не меряли счёт: Огромна столица, как воздух высот! Рядами, рядами сновали машины — Как будто в ущелья спадали лавины... По улицам люди колоннами шли — Как будто потоки по склонам земли... Шагали здесь все языки и наречья, Мелькали в толпе башлыки и наплечья, Папахи, тюрбаны, венки, тубетейки, Халаты, кафтаны, плащи, телогрейки, И бронза, и золото смуглой оливы, И Африки чернь с лиловатостью сливы, Товарищ к товарищу — лутчик к лутчу! Плечо к дорогому прижато плечу! И нам показалось, что это движение — Москвы дружелюбное сердцебиенье.

(Отрывок из поэмы).
Перевела с таджикского М. ФОФАНОВА.

Музафар АЛИМБАЕВ

ЕСЛИ БЫ...

НА ОКОНШЕ, СЛОВНО КОШКА, ЦЕЛЫЙ ДЕНЬ СИДИТ КАРИМ.

— ПОМОГИ В САДУ УБРАТЬСЯ, — МЫ КАРИМУ ГОВОРИМ,

— Я БЫ МОГ И ПОМОГ, ЕСЛИ Б ТОЛЬКО НЕ БРОМОК.

— НУ ТОГДА ИДИ, КАРИМ! ДРОВ ДЛЯ ПЕЧКИ НАКОЛИ!

— Я БЫ МОГ И ПОШЕЛ, ЕСЛИ Б Я ТОПОР НАШЕЛ.

— НУ ТОГДА, КАРИМ, СТУПАЙ, ХОТЬ БРАТИШКУ ПОКАЧАЙ.

— Я БЫ СМОГ, ПОКАЧАЛ, ЕСЛИ Б ОН НЕ КРИЧАЛ.

НА ОКОНШЕ, СЛОВНО КОШКА, ЦЕЛЫЙ ДЕНЬ СИДИТ КАРИМ.

ТОЛЬКО МЫ УЖЕ КАРИМУ НИЧЕГО НЕ ГОВОРИМ.

Перевели с казахского Игорь МАЗНИН, Леонид МЕЗИНОВ.

НА ДВОРЕ шёл ожесточённый бой. Снежки летели, и шума хватало. Самым храбрым среди бойцов был Велло. Не боялся он ни врага, ни снежков — только атаковал.

Неожиданно распахнулось окно. — Смотрите не разбейте стёкла! — предупредил серьёзный голос.

Грохот войны стих. Этого мужчину знали все — он художник-карикатурист. Рисунки у него всегда смешные-смешные, но сам он серьёзный, даже злой чуть-чуть. Длинные волосы и чёрная борода делали его ещё угрюмой. Лев. Настоящий лев. Так его и звали.

Художник исчез в комнате. Но окно осталось открытым. — Лев выглянул из комнаты! — пошутил Велло и начал яростную бомбёжку. Враг не остался в долгу.

И тогда снежок влетел в комнату художника — ведь кроме храбрости у Велло была и сила.

Грохот войны стих снова. Что теперь будет? Комната полна рисунков: они на столе, на стульях, даже на полу. Это ребята знали уже давно.

Если снежок растает... Кто знает, куда он покат. Вдруг испортит все рисунки?

Бойцы испуганно посмотрели на Велло.

— Ну и пусть! Бежим! — сказал он.

Но тут неожиданно для всех вдруг к дому побежал Ааду.

Триль-триль-триль! — звонил он у дверей львиной берлоги.

— Что тебе? — спросил художник, открывая дверь.

Холгер ПУКК

— У вас в комнате снежок! — Ах вот как! — закричал художник, и Ааду стало немножко страшно. — Заходи!

Колени у Ааду стали ещё больше дрожать.

Они зашли в ателье.

К счастью, большой комок снега лежал на чистом пустом полу. Художник выбросил снежок через окно во двор, внимательно посмотрел в глаза Ааду и пощупал свою бороду.

— Садись вот сюда! — сказал он, показав на стул.

«Вот теперь мне достанется!» — подумал Ааду испуганно.

Но художник взял лист бумаги и начал рисовать. Он рисовал долго, а потом дал рисунок Ааду:

— Теперь иди!

Этого не надо было повторять дважды.

У крыльца Ааду окружили бойцы. На рисунке была берлога, в берлоге с глазу на глаз стояли большой лев и маленький-маленький мальчик, точно такой же, как Ааду. И лев этот дал Ааду свою лапу. А внизу под картиной стояло: «Львы — единые».

Перевёл с эстонского Андрус ЯАКСОО.

